

В. В. ЛЫГДЕНОВА¹

СИМВОЛЫ БУДДИЗМА И ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНОГО СИНКРЕТИЗМА В ОБРЯДАХ СОВРЕМЕННЫХ БАРГУЗИНСКИХ БУРЯТ

Статья посвящена выявлению и интерпретации символов буддизма и элементов религиозного синкретизма в буддийских обрядах, проводимых в Баргузинской долине Республики Бурятия. Для проведения исследования используется методология семиотического анализа Ю. М. Лотмана и Н. Л. Жуковской на примере этнической группы баргузинских бурят. Рассматриваются символы подвязывания лент (*сэмэлгэ*), обрызгивания святых мест (*сэржэм*), подношения (*далга*) и др.

Ключевые слова: буддизм, шаманизм, мифология, этнология, религиозный синкретизм, баргузинские буряты.

V. V. LYGDENOVA

SYMBOLS OF BUDDHISM AND ELEMENTS OF RELIGIOUS SYNCRETISM IN THE RITUALS OF MODERN BARGUZIN BURYATS

The article is dedicated to revealing and interpretation of Buddhist symbols and elements of religious syncretism in Buddhist rituals that are held in Barguzin valley in the Republic of Buryatia. Methodology of semiotic analysis by Yu. M. Lotman and N. L. Zhukovskaya on the example of ethnical group of Barguzin Buryats is applied in the research. Such symbols as ritual straws tying (*semelge*), spreading sacred places with milk and vodka (*serzhem*), offerings (*dalga*), etc. are considered in the paper.

Keywords: Buddhism, Shamanism, mythology, ethnology, religious syncretism, Barguzin Buryats.

В рамках каждого культа можно выделить категории и символы, соответствующие данной типологии. В современных гуманитарных дисциплинах заслуженным авторитетом пользуются методологические разработки по выявлению значения символов Ю. М. Лотмана. Семиотическая теория Ю. М. Лотмана основывается на определении символа как необходимого элемента культуры, который содержит в себе архетипическое начало, за счет чего позволяет семиотической системе функционировать [1992]. Значение символа является знаком.

¹ Лыгденова Виктория Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук», г. Новосибирск, Россия.

Каждый символ хранит в себе несколько слоев архетипического прошлого, которое можно выявить благодаря структурному анализу. Символ одновременно в диахронном срезе является архетипом, в синхронном – изменяется и трансформируется, согласно культурному контексту. Поэтому наслоение одной религиозной концепции на другую ярче всего проявляется именно в символах культуры. В нашем исследовании, согласно предложенной теоретической концепции, была проделана попытка выявить те элементы, которые вошли в буддийские обряды современных баргузинских бурят из предшествующих форм религии: дошаманской мифологии и шаманизма. С этой целью были выделены две основные ранние формы религиозных культов: культ природы (мифологии) и шаманские культы. В ходе исследования буддийских религиозных представлений и обрядов были выделены и изучены символы, относящиеся к шаманским и мифологическим традициям.

Для выявления взаимосвязей между социальной и гносеологической функциями религии и эмпирического исследования эволюции религиозных верований Н. Л. Жуковская предложила рассматривать культы (религиозные практики, включающие обряды, ритуальные предметы и места) как самостоятельные единицы и проводить классификацию религий по объектам культов, в отличие от классификации по характеру их социальной роли в эволюции человеческого общества, разработанной С. А. Токаревым. Классификация Н. Л. Жуковской позволяет наиболее точно выявить взаимосвязь между социальной и гносеологической функциями религии и религиозных верований на основании выявления символов и категорий объектов поклонения. Согласно методологии категориального анализа Н. Л. Жуковской, в каждой религии существуют свои символы и категории из разных сфер (время, пространство, космос, природа, жилище и т. д.). При анализе каждого символа выявляется его роль и функция в системе формирования религиозного синкретизма сибирских народов [1988: 4].

Методологические принципы Ю. М. Лотмана и Н. Л. Жуковской являются наиболее подходящими для заявленного нами исследования, т. к. позволяют выявить специфику и закономерности в эволюции традиционных верований баргузинских бурят с применением эмпирического анализа объектов языческих и шаманистских культов, буддизма и других религий.

Целью представленной работы стало выявление символов буддизма и элементов религиозного синкретизма в традиционных обрядах современных баргузинских бурят. Рассмотрены и проанализированы обряды, которые проходят ежегодно в Баргузинском и Курумканском районах Республики Бурятия: Лусууд тахилга, Бархан-Уула, поклонение богине Янжиге. Они организуются и проводятся Буддийской традиционной сангхой России в весенний период. Актуальность данной работы определяется интенсивно развивающимися здесь в настоящее время религиозными процессами. Большой интерес представляют механизм и роль религиозного синкретизма в распространении влияния буддизма среди бурят, в нашем случае на примере этнической группы баргузинских бурят.

Этнолокальный анализ необходим, т. к. элементы религиозного синкретизма наиболее ярко представлены именно в Баргузинской долине, что связано с более поздним приходом буддизма в этот регион (только в XIX в.) и мультикультурной средой в регионе.

Вопросы, связанные с исследованием религий и религиозного синкретизма у народов Сибири, затрагивались в ряде работ отечественных и зарубежных историков, этнографов и религиоведов: Л. Н. Гумилева, С. А. Токарева, Н. Л. Жуковской, С. А. Арутюнова, В. И. Харитоновой, И. Н. Гемуева, Н. А. Томилова, А. М. Сагалаева, А. И. Мазина. Среди зарубежных исследователей следует выделить труды Р. Амайон, К. Хэмфри. Первые исследования религиозных обычаев бурят относятся еще к дореволюционному периоду. В работах И. Г. Георги, И. А. Лопатина, С. К. Патканова кратко описывались некоторые элементы их религиозных обрядов. Эти исследования были продолжены С. П. Балдаевым, Д. Б. Банзаровым, М. Н. Хангаловым, Ц. Ж. Жамцарано, Н. Н. Поппе, Г. Н. Румянцевым, Б. Д. Дандароном. Среди современных исследователей следует выделить труды К. М. Герасимовой, Л. Л. Абаевой, Т. М. Михайлова, Т. Д. Скрынниковой, А. А. Бадмаева, М. М. Содномпиловой, О. А. Шаглановой, Н. Б. Дашиевой, О. В. Бураевой, Б. Ц. Гомбоева.

Однако проблемы религиозного синкретизма в них затрагивались лишь эпизодически. Чаще всего объектом историко-религиоведческого изучения становились отдельные религиозные традиции – тэнгрианские, шаманистские, буддийские. Подобных работ явно недостаточно для воссоздания целостной картины эволюции традиционной религиозной духовности бурят как составного элемента их истории и культуры, а также для понимания тесной взаимосвязи между общественно-политической и духовной жизнью. Проблема исторической эволюции и формирования локальной специфики религиозного синкретизма у бурят не решена. Новизна нашего исследования в том, что оно проводится на примере этнолокальной группы баргузинских бурят, которые сравнительно поздно обратились к буддизму; это дает нам преимущество рассмотреть эволюцию религиозного синкретизма в реальности, на определенном примере более явственно и сфокусированно.

Буряты стали переселяться на территорию Баргузинской долины из Предбайкалья в начале XVIII в. в результате прихода русских в верховья р. Лены и столкновений с ними из-за земельных вопросов. К тому времени был уже создан Баргузинский острог (1648 г.), впоследствии одно из наиболее известных мест ссылки политических заключенных: декабристов, петрашевцев, народовольцев, евреев, немцев, татар, китайцев и др. До прихода русских и бурят берега р. Баргузин были заселены эвенками, поэтому неудивительно, что у бурят возникли тяжбы из-за территории с коренным населением, которые разрешались в российских судебных органах.

В процессе адаптации шаманистские верования эвенков и бурят тесно переплелись, происходило переосмысление и собственная интерпретация местных

культов. Соседство с православными старожилами также отражалось в традиционных верованиях баргузинских бурят. Период XVII–XVIII вв. знаменуется новым этапом в эволюции религиозных верований монгольских народов – на территории Бурятии и Монголии начинает распространяться буддизм. В Баргузинскую долину он приходит позже, чем в другие регионы, в XIX в., в связи с отдаленностью и также из-за более глубоко укоренившегося здесь шаманизма. В связи с появлением буддизма начинается его масштабное влияние на локальные культы и верования баргузинских бурят, которое продолжается вплоть до настоящего времени. Впоследствии, в годы существования СССР, представители традиционных верований и буддизма – шаманы и ламы подверглись гонениям и репрессиям. Период конца 1990-х гг. до настоящего времени охарактеризован усилением влияния буддизма на локальные традиционные верования в контексте нового политического курса региональных и республиканских органов власти.

На примере коротко обрисованной исторической картины можно уже предположить комплексный характер религиозного синкретизма у населения Баргузинской долины и наличие в традиционном мировоззрении баргузинских бурят разнотипных религиозных верований, очень несходных и даже противоречивых по своей мировоззренческой сути – сотериологическим характеристикам и ценностному содержанию, но, тем не менее, парадоксальным образом уживающихся и активно взаимодействующих.

Каждый год в апреле-мае в Баргузинской долине проводится обряд поклонения духам воды (нагам) – Лусаад тахилга (бур.). Наги (санскр.), или лусаад (тиб.), представляют собой змееподобных обитателей вод, обладающих тайным могуществом, – символы стихии воды. Порядок действий был записан со слова информанта: «Молебен проводится возле источника Могжон в Курумканском районе неподалеку от деревни Хонхино. До того как начинается обряд, необходимо записать имена и годы рождения всех своих родственников, чтобы после отдать этот листок ламам для прочтения молитв за благополучие семьи. Затем надо взять с собой на обряд молоко от красной коровы или от белой козы как самое жирное и густое. От другой коровы или магазинское молоко не годится. Все ламы собираются возле источника, и начинается молебен. В конце молебна лама подходит к реке и начинает выливать в нее молоко. Это подношение духам реки – лусаад, чтобы они помогли жителям окрестностей. После этого все подходят к реке и льют в нее молоко. Затем ламы читают заключительный молебен. Мы делаем подношение – *далга* и расходимся» [ПМА]. Данный обряд и молебен являются первыми в серии обрядов и молебнов, которые проводятся в честь богини Янжимы ламами Буддийской традиционной сангхи России. Необходимость проведения этой церемонии объясняется тем, что духи воды могут повлиять на судьбу жителей близлежащих сел и деревень. Данный обряд очень близок по своему содержанию древним обрядам поклонения хозяевам озер и рек. Символы, которые можно выделить, также содержат архаичные представления о ду-

хах, населяющих землю и являющихся хозяевами той или иной реки. Выделим символы воды, водяных змей – лусууд, молока, огня. Подобные обряды проводились до прихода буддизма в регион с целью умиловить духов водных источников и рек, устранения засухи и пожаров, просьбы о дождях. До сих пор такие обряды проводятся шаманами. Ритуальные ленты также используются в шаманских обрядах, что, скорее всего, связано с мифологической символикой – сэмэлгэ. Как пишет С.-Х. Сыртыпова, «сэмэлгэ созвучно монгольскому сэмлэх, что значит распускать, вытаскивать нитки, расщипывать шерстинки. Раньше если у путника не было возможности привязать ленточку, то он вытягивал волосинки из конской гривы или хвоста и подвешивал их на деревья в знаковых, ритуальных местах. Кроме того, в эвенкийском языке есть слово самэлеки – вежа, метка, дорожный знак, от которого, вероятнее всего, и происходит местное название культовых ленточек. Самэлеки – метки сакральных объектов сигнализировали о необходимости ритуального поведения» [2007: 58–60].

Следующий по циклу обряд проводится на горе Бархан-Уула возле села Баргахан Курумканского района, самой высокой точке Баргузинского хребта. Гора Бархан-Уул является культовым символом не только для буддистов, но и шаманов. Со слов информанта, обряд поклонения хозяину Бархан-горы проводился и в советское время, но тайно и узкой группой лиц [ПМА]. Гора Бархан-Уула издавна считалась священным, сакральным местом для баргузинских бурят. Баргузинцы считают, что на плато Тэптэхэ, вершине горы Бархан-Уул, находилось стойбище легендарного Бортэ-Шоно, предка Чингисхана в десятом поколении. На ней обычно проводился шаманский обряд (обо) поклонения духам местности. Впоследствии этот обряд был трансформирован под влиянием буддизма в обряд и молебен Бархан тахилга. Б. Ц. Гомбоев пишет, что в XIX в. буддийские проповедники в данной местности переименовали «хозяев» наиболее известных гор, среди которых оказалась и Бархан-Уула. Тибетским духом-хозяином сакрального места стал Бальган-Шальша, «ламаистское существо с четырьмя головами» [2006: 220]. Это имя было занесено в культовые обрядники Тибета. Одним из методов ламаизации населения является объявление духов гор «принявшими желтую веру», им присваивается тибетское имя, и на этом месте воздвигается обо по буддийским правилам. Регулярные общественные моления продолжают совершаться, но уже на ламаизированном обо. В каждой долине существует наиболее почитаемый дух-хозяин, и одним из таких хозяев является Бархан-Баабай. В буддийской традиции Бархан-Баабай считается одним из покровителей буддизма и хранителей буддийского учения.

Местные жители пояснили, что за день до обряда надо купить пачку чая, бутылку водки, пакет молока, печенье и конфеты для подношений. Также нужно взять с собой ритуальные ленты – сэмэлгэ. Рано утром начинается подъем участников к месту молебна, где на специально поставленные столы люди ставят *далга* (печенье, конфеты, чай и др.), наливают в ритуальные тазы водку и зажигают *зула* (масляные лампадки) возле портрета Соодой-ламы. Надо отме-

тить, что традиционно *далга* – это вид жертвоприношения, однако основное отличие между ламаистскими и шаманскими обрядами заключается в том, что шаманские *тахилга* обычно подразумевают жертвоприношения в виде убитых животных, что запрещается делать при обрядах в тибетском буддизме. Шаманы также проводят обряд поклонения хозяину горы, но делают это немного ниже, на плато Тэптэхэ. В шаманской традиции, в отличие от буддийской, подниматься в гору разрешено только мужчинам.

Заключительным и наиболее масштабным мероприятием являются молебен и празднование годовщины проявления богини Янжимы в Баргузинском дацане. Возле дацана заблаговременно надо приобрести *сэмэлгэ* и *хадаки* (ритуальные шарфы), а также записать имена и годы рождения своих родных на листке и передать его ламам для чтения молебна за их благополучие. На столах возле дацана у подножия горы Уулзаха раскладываются в развернутых целлофановых пакетах *далга*, открытые банки с молоком и откупоренные бутылки водки, так как, согласно традиции, напитки и пища должны быть доступны для того, чтобы местные духи могли их беспрепятственно попробовать [ПМА]. Затем все поднимаются на гору к священному месту с камнем, на котором проявилось изображение богини. Там проходит молебен. Перед тем как присоединиться к молящимся, надо обойти сакральный камень три раза по кругу, по направлению солнца, и завязать ленточки – *сэмэлгэ* на деревья. Те, кто пришел просить у богини рождения ребенка, кладут детские игрушки и вещи возле камня, под которым была найдена ритуальная пирамидка с изображением тысячи Будд – *саса*. Во время молебна хамбо-лама три раза произносит молитву богине Янжиме, которую нужно повторить всем присутствующим, и в это время все должны были присесть на одно колено: «Ом пичу пичу праджна вардхани джвала джала медха вардхами дхири дхири будхивардхани сваха». Вторая часть церемонии проводится рядом с Баргузинским дацаном, где подносятся *далга* и *сэржэм*. После обеденного перерыва проводится праздник: традиционные соревнования по вольной борьбе (*эрхын гурбан наадан*, игры трех мужей) с участием борцов из разных районов Республики Бурятия, по стрельбе из лука и скачки [Лыгденова 2015]. Структура праздника напоминает последовательность действий в традиционных летних *обо* – *тахилганах*: обрядовое восхождение на гору, обход по направлению солнца вокруг ритуального объекта, молебен, жертвоприношение, спуск с горы и обрядовые развлечения. После *тахилгана* обычно организовывались спортивные традиционные игры – борьба, стрельба из лука и скачки [Хангалов 2004: 428–429]. Символика традиционных игр также связана с подношениями и обретением благоденствия от духов. Борьба – аналогия борьбы мифических богатырей. Танец орла-победителя символизирует обретение благодати от верховных существ. Стрела – символ жизненной силы. Скачки – символ оплодотворения земли, конь – символ плодородия. В рамках *тахилганов* обычно проводились кровавые жертвоприношения хозяину горы, после которых часть жертвоприношений – *далга* можно было взять домой.

Буддийские символы праздника, которые можно выделить, связаны с богиней Янжимой (санскр. Сарасвати) – покровительницей искусства и плодородия. Символы плодородия – детские игрушки, принесенные богине для благословения. Ленты – *сэмэлгэ*, *хадаки* и бусы, обвязываемые вокруг веток и дерева, ассоциируются с просьбой о браке и плодородии женщины. Представители творческих профессий часто приезжают на обряд для того, чтобы выступить с концертом, что тоже связано с сакральным контекстом мифа о богине Сарасвати – Янжиге. Таким образом, символы: ритуальный огонь, подношение молока и водки, сжигание приношения на огне и т. д. – являются элементами религиозного синкретизма, т. к. аналогичные символы есть и в шаманизме, и в дошаманских культах природы, и в мифологии. Различия между символами шаманизма и язычества связаны с философией буддизма: 1) отказ от кровавых жертвоприношений; 2) поклонение не духам, а Будде, дхарме и сангхе; 3) трансформация духов в богов буддийской иерархии; 4) присутствие буддийской символики: богиня Сарасвати, субурганы – ступы, образы Будды (ритуальные пирамидки) и т. д.

В целом отметим, что благодаря наличию символов и элементов религиозного синкретизма, буддизм успешно расширяет свое влияние в регионе. Хотя Баргузинский и Курумканский районы подверглись наименьшему влиянию буддизма в досоветский период, в конце XX – начале XXI в., на материале полевых исследований можно констатировать возрождение и усиление позиций буддизма в этом регионе. Синкретизм шаманских и буддийских культов связан с усилением влияния буддизма в Баргузинской долине в настоящее время. Ассимиляция шаманских культов буддизмом происходит за счет адаптации шаманских обрядов и их реформирования. Обрядовость играет значимую роль в адаптации буддизмом шаманских культов. Население практически незнакомо с содержанием учения буддизма, вследствие этого буряты обращаются к шаманам и ламам одновременно, хотя шаманское и буддийское мировоззрение противоречат друг другу. Если в шаманизме поклоняются пантеону духов и богов, олицетворяющих хозяев и властителей природных явлений и объектов, то в буддизме такое поклонение недопустимо и возможно только в отношении трех объектов – Будды (Учителя), Дхармы (буддийского учения) и сангхи (буддийской общины). Однако буддийские ламы успешно адаптируют шаманские обряды, используя культовые символы, характерные для шаманизма: *сэмэлгэ* (цветные ленточки); подношения хозяевам гор, водных источников, местности, гора Бархан-Уула – символ Баргузинской долины, огонь, молоко, водка и т. д.

Отметим, что буддийское учение (Махаяна) изначально содержит элементы религиозного синкретизма, поскольку было заимствовано и привнесено в Тибет, в котором в то время господствовал шаманизм (культ бон). В Бурятии позже всего буддизм начал распространяться среди так называемых западных бурят – в Предбайкалье. В Баргузинскую долину буддизм также пришел поздно. Нами зафиксированы многочисленные факты религиозного синкретизма при интер-

вьюировании населения и посещении различных обрядов, праздников и фестивалей. Наиболее яркими являются заявления нескольких информантов о том, что после посещения шаманских обрядов они обязательно идут в дацан (буддийский храм) и просят лам их очистить [ПМА]. Уникальными также являются случаи, когда перед проведением шаманского обряда шаманы идут к ламам с просьбой благословить их и назначить наиболее подходящую дату для проведения обряда. Автор лично часто наблюдала присутствие шаманов на буддийских обрядовых действиях и праздниках в честь буддийских божеств. В жилищах семей, которые обращаются за помощью к шаманам, повсеместно можно увидеть иконы буддийских божеств и Соодой-ламы, наиболее уважаемого буддийского деятеля в Баргузинской долине. Более того, в этих семьях ежедневно одновременно проводятся утренние буддийские (утреннее подношение восьми буддийским драгоценностям) и шаманские ритуалы – разбрызгивание молока или чая утром для духов местности. На основании этого многие информанты затрудняются назвать себя приверженцами шаманизма или буддизма, поскольку посещают разные обряды одновременно. Однако несколько информантов пожаловались мне на то, что буддизм разрушает традиционное родоплеменное устройство бурятского общества, т. к. не придает большого значения ценности рода и традиционным взаимоотношениям между родственниками [ПМА]. Разрушаются родовые связи между людьми. Однако в настоящее время буддизм успешно адаптируется и к этой проблеме, разрешая проводить шаманские обряды, но при предварительном благословении этого обряда буддийским ламой. При похоронах независимо от того, является человек шаманом или нет, обязательно приглашается буддийский лама для прочтения заупокойных молитв.

Успех буддийского учения состоит в том, что он не запрещает шаманские учения, но последовательно адаптирует их, тем самым усиливая свои позиции среди населения. Наиболее яркие примеры такой адаптации были представлены в статье. Исследование механизма взаимодействия различных по своей идеологии буддийского учения и шаманизма даст ученым возможность проследить эволюцию развития религиозного синкретизма в Бурятии и позволит выявить основные принципы, которые используются религиозными деятелями для распространения религии среди населения в регионе.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-50-00036.

Литература

Гомбоев Б. Ц. Культурные места Баргузинской долины / Б. Ц. Гомбоев. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 287 с.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Н. Л. Жуковская. – М.: Наука, 1988. 198 с.

Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – 472 с.

Лыгденова В. В. Обряды поклонения богине Янжиге в Баргузинском районе Республики Бурятия / В. В. Лыгденова // Новые исследования Тувы. – 2015. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/44/0> (дата обращения: 20.06.2018).

Сыртыпова С.-Х. Д. Святыни кочевников Трансбайкалья (Традиционные культовые объекты как памятники истории и культуры) / С.-Х. Д. Сыртыпова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2007. – 272 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1 / М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 508 с.